

Неделя Семнадцатая: Сессия 34-Доктор Харлин Квинзель

Без четверти три.

Харлин что-то напевала себе под нос, ожидая, когда охранники приведут ее пациентку, просматривая отпечатанные на машинке записи последних нескольких сеансов и размышляя о встрече с Джоан во вторник.

Она наконец-то призналась.

-Мы почти не разговариваем, - сказала она. -Мы иногда касаемся разных вещей , таких как Бэтмен или его преступления, но потом он всегда меняет тему."

У Джоан было забавное выражение лица. -А о чем он говорит?"

Она пожала плечами, унижение заставило ее быстро моргнуть. "Кино. Книги. Музыка. Политика. Путешествия. Просто ... просто вещи."

Джоан протянула руку через стол и сжала ладонь Харлин. - Харли, пожалуйста, подумай хорошенько, прежде чем ответить. Он заставляет тебя говорить о себе? Как бы тонко это ни было?"

Она действительно думала об этом. Она посмотрела через кабинет Джоанны на большие окна, выходящие во двор лечебницы. На улице стоял серый день, легкий дождь окутывал верхушки деревьев. - Нет, - сказала она наконец. - Нет, он не знает, Я постоянно жду этого, Джоан. - Я действительно боюсь. Я в курсе, обещаю тебе. Но он этого не делает."

Джоан откинулась назад и улыбнулась. - Харли, тогда ты должен быть очень горд собой."

Она недоверчиво моргнула, глядя на Джоан. - Прошу прощения?"

Джоан вздохнула и махнула рукой. - Поверь мне, я все еще не в восторге от всей этой ситуации. Но если он говорит с вами - и говорит с вами об общих предметах, не пытаюсь напугать вас или узнать о вас - тогда это прекрасно.- Улыбка Джоан была, пожалуй, немного печальной, когда она смотрела на Харли. - Боюсь, что большинство врачей не могут сказать, что у них был такой же уровень успеха."

В глубине живота Харлин появился теплый румянец. -Но ... мы же не ... он не хочет говорить о себе, о своем прошлом, о своих преступлениях, ни о чем!"

Джоан рассмеялась: -Да, но Харли, он же говорит. Если бы я был на твоем месте, я бы не ожидал, что он действительно откроется тебе по крайней мере на год, а может быть и

больше. Он закоренелый психопат и видел больше докторов, чем я могу сосчитать. Обычно он не может не хвастаться тем, что сделал. Если он действительно хочет поговорить с тобой о более общих вещах - это очень хороший знак, Харли. Это значит ... Ну, это просто может означать, что ты достучался до него. Это уже прогресс. Не будьте слишком разочарованы или нетерпеливы. Просто пусть все идет так, как было. Это очень обнадеживает."

Сердце Харлин радостно забилося в груди. И она это знала. Она знала это с самого начала. У нее действительно был талант к таким вещам! Если бы она училась правильно, то получила бы те же оценки, что и те, за которые она облажалась, и вот доказательство! Она уже добралась до Джокера! Она, маленькая Харлин Квинзел, профессиональный спортсмен, двадцати шести лет от роду и только что из школы! Она с трудом подавила желание вскочить и закричать: "ура!"

Выражение лица Джоан внезапно стало серьезным. - Однако, Харли, я не хочу, чтобы ты слишком расслаблялся. Вполне возможно, что у него что-то припрятано в рукаве. Пожалуйста, оставайтесь бдительными и осознанными и никогда, никогда не принимайте его как должное."

Харлин почти не слышала ее. Припев возбужденно крутился у нее в голове: я буду знаменит, я буду знаменит, я буду знаменит.

- Да, конечно, Жанна, - сказала она вслух."

Она не думала, что нужно было рассказывать Джоан о розовом бутоне. Она так и не узнала, как именно Джокер проник в ее кабинет. У нее возникло странное, трепещущее ощущение, что он был там - прикоснулся к ее вещам. Она думала о нем в темноте, когда он рылся в ее сумочке, блокноте, ящиках комода. Но, похоже, ему каким-то образом удалось убедить кого-то сделать это за него. Во всяком случае, это ни о чем не говорило, кроме того, что Джокер думал, что она отличается от других докторов, которые у него были, и это было хорошо, не так ли?

Она также не считала нужным сообщать Джоан, что месяц назад в "Айсберге" сам Пингвин подошел лично поприветствовать ее и ее друзей, сообщив им, что их счет уже оплачен, и понимающе улыбнулся Харлин. Ее друзья были впечатлены; и хотя она знала, что это был серьезный профессиональный компромисс, чтобы принять этот жест от Джокера, это уже было сделано - и она думала, что это может помочь развить их доверие. Конечно, он был в восторге, когда она поблагодарила его, и очень понимал, когда она сказала, что он действительно не может организовать такие вещи снова. Нет, Джоан не должна была этого знать, она прекрасно справилась сама.

Без пяти минут три. Они уже четыре месяца сидели вместе, и хотя ей казалось, что все идет как по маслу, она все еще была заморожена и заинтригована им. Все, что он делал, казалось, было исполнено смысла. Она уже видела Билла Клинтона однажды, когда он был на гастролях. Даже в толпе всех этих людей он выделялся, абсолютно притягательный, притягивая к себе все взгляды. Чистая харизма. Неотразимое очарование.

Джокер был тот же самый. Разве что в десять раз больше.

Теперь у нее было больше сотни страниц машинописных заметок и наблюдений-материал, который, как она знала, скоро станет достоянием широкой публики. Как после того, как она посмотрела фильм, который он просил, он был в восторге от выступления Дональда О'Коннора в Make ' Em Laugh. Как он восхищался Джин Хаген в роли звезды "Примадонны", Линой Ламонт. Это было совершенно неожиданно и обезоруживающе, и учитывая то, как он почти небрежно упомянул, что это был идеальный саундтрек к потрошению, это была именно та вещь, которая будет продавать книги. Она сама очень любила этот фильм, что было приятным сюрпризом. Это было так ... свежо ... так невинно и так интересно. Она не смеялась так сильно, как ей казалось несколько месяцев назад, и хотя в какой-то момент она поняла, что смеется одна, в своей квартире, в то время как ее друзья были в городе, она напомнила себе о своих целях и о том, как это работает для них.

И поэтому они смеялись вместе. Она чувствовала, что ее бока начинают болеть, когда они падали, заставляя их смеяться, и Мозес предположил, а также все неловкие проблемы с микрофоном Лины. Она вспомнила, как в драмкружке - она всегда играла эти головокружительные женские роли, - как смеялась публика, как распирало ее от этого смеха.

Она слегка покачала головой, сбита с толку своими воспоминаниями. Она собиралась присоединиться к общественной театральной группе после окончания школы, но у нее просто не было времени. Она снова сосредоточилась на своем пациенте.

Она не ожидала, что он окажется таким хорошим собеседником. Он говорил легко, очаровательно. Он был очень интересным. У него были остроумные замечания почти ко всему и довольно игривое чувство юмора временами. Она больше не видела ни темного хищника, который ухмылялся ей и спрашивал, насиловали ли ее когда-нибудь, ни маньяка, который извивался и чуть не порвал свои ремни-она едва могла поверить, что он вообще когда-либо делал такие вещи.

Дверь открылась, и его ввели внутрь. Она широко улыбнулась Итану и другому охраннику, Россу. Она ослепительно улыбнулась своему пациенту, который игриво подмигнул ей и пассивно подчинился тому, чтобы привязать его к кушетке. Это начинало беспокоить ее-крайняя степень его сдержанности. В таком положении он не мог сделать ничего, кроме как пошевелить головой и согнуть ноги. Это не могло способствовать его желанию поделиться с ней.

Когда стражники ушли, она спросила: "тебе неудобно?"

Обе его брови взлетели вверх. - Ах, док, какая забота! Я очень тронут."

Он всегда был таким озорным. Она посмотрела на него с мягким упреком. - Честное слово, сейчас. Это не может быть очень расслабляющая ситуация. И ты должен чувствовать себя расслабленным, когда ты здесь со мной."

- Хех.- Он откинул голову на спинку дивана. - Забавно, к чему ты привыкаешь, а, Док?"

Она не могла точно сказать, почему это замечание обеспокоило ее. Возможно, потому, что никто не должен был "привыкать" к тому, что его связывают.

-Значит, ты считаешь, что это неизбежное и оправданное состояние для тебя?- спросила она, и он взглянул на нее.

-Ну, - рассудительно сказал он, - я ведь нарушил правила приличия, не так ли? Когда ты это делаешь, тебя наказывают."

Она долго молчала, медленно моргая, глядя на него. Ее сердце глухо застучало. -Значит, ты понимаешь, что поступаешь неправильно?"

Он слегка пожал плечами, и один уголок его рта приподнялся в ухмылке. "Я понимаю, что социальное большинство диктует, что они неправы."

Это было-интригующе. Ее пальцы зудели от желания делать заметки, но она не смела сделать ничего, что могло бы сбить его с толку.

-Что ты хочешь этим сказать?"

Ясность. Он демонстрировал ясность мысли. Понимание. Не выдавайте ничего, оставайтесь безразличными.

Он улыбнулся, как бы про себя. - Как вы думаете, что я имею в виду, док?"

Она сглотнула и села немного прямее. -Ну, я не могу сказать наверняка. Но мне кажется, что вы осознаете, что ваши действия являются антиобщественными. Что они незаконны. Аморальный. И это не та шутка, о которой ты говоришь."

Он расхохотался, и она подскочила на стуле. Это был первый раз, когда она слышала его смех; действительно, настоящее кудахтанье, которым он был так знаменит. Внезапно она поняла, почему так много охранников просили сменить их, когда они были назначены в его палату ночью. Это был устрашающий всплеск истерии, окрашенный дикостью, и продолжался он почти бесконечно долго. Но хуже всего было то, насколько это было загадочно. Как будто он знал тайну, которой она не знала, и эта тайна была о ней. - Она съежилась.

- Простите, док, - извинился он, перестав смеяться. - Но это был хороший вопрос."

Она пришла в себя, заставляя свое сердце биться медленнее. -А что такого смешного было в том, что я сказал?"

Он усмехнулся и снова закатил глаза. - Ты такой милый, док. Я не думаю, что ты поймешь это,

если я тебе все объясню. Это одна из тех шуточек, в которых вы вроде как должны быть, чтобы оценить."

Она была в отчаянии. Еще один почти здесь, ускользающий из ее рук. "Радовать. Я бы хотел попробовать.- Она изо всех сил старалась говорить ровным голосом.

Он пристально посмотрел на нее своими фиолетовыми глазами, слегка выпятив нижнюю губу, затем пожал плечами и снова усмехнулся.

-А почему бы и нет.- Он так решил. - Дело вот в чем, док: то, что я делаю, не безнравственно. Или антисоциально. Или незаконно. Эти слова и их определения были придуманы человечеством. Они не имеют истинного, присущего им значения. Это всего лишь иллюзия. В этом вся шутка."

Она почувствовала, что хмурится, и между бровями у нее что-то промелькнуло. - Я ничего не понимаю."

Он вздохнул, пошевелил ногой, и манжета вокруг нее задрезжала.

-И никто не знает.- Печально сказал он. -Никто, кроме меня. Вот почему меня так часто недооценивают, док."

Она сделала глубокий вдох, чтобы успокоиться, заставила себя держать себя в руках, а не бросаться вперед.

"Джокер, в отличие от многих других заключенных, у тебя, кажется, нет мотивации для твоих преступлений. Никаких убеждений, которые заставляли бы вас делать то, что вы делаете."

Он поднял голову и уставился на нее круглыми глазами.

- Док!- Воскликнул он. - Никаких обвинений? Мои? О боже.- И покачал головой. -И тут я подумал ... Ох, док. Это просто трагично. У меня есть убеждения. На самом деле у меня очень сильные убеждения."

- Пожалуйста, расскажите мне о них.- Слова поспешно слетели с ее губ, и она внутренне съежилась.

Он усмехнулся и искоса взглянул на нее. - Док, я же вам только что сказал. Разве ты не понимаешь этого? Ничто ничего не значит. Ничего. Все наши социальные условности, наши общественные системы, наше правительство и культурные практики и традиции - это совершенно бессмысленно. Она не имеет никакой внутренней ценности, кроме той, которую мы ей приписываем. Вы понимаете, о чем я говорю, Дорогой док? Может быть, ты просто слишком молода."

Он не казался раздраженным на нее, просто был разочарован, и Харлин почувствовала, как ее сердце упало прямо в живот. Она теряла его. О Боже, нет.

-И единственная причина, по которой мы придаем этому смысл, - это то, что это единственный способ выжить через этот жалкий кляп, который мы называем жизнью. И за что же? Мы все равно умрем, в конце концов. Имеет ли это значение, в конце концов, как? Почему мы так дорожим этими абстрактными понятиями - красотой, истиной, свободой, справедливостью, моралью? Почему мы их так возвышаем? Ты хоть представляешь, милый маленький док Куинн, как сильно изменилось наше представление о морали только за последние сто лет? Здесь нет никакой константы. Здесь нет ничего определенного. Он меняется, когда мы барахтаемся, бесконечно стремясь сохранить наше жалкое господство на этой планете. В конце концов, наша борьба такая же, как и у любого живого существа: выживание. И за что же? - Почему же? А какой в этом смысл? Но его нет. Но мы должны притворяться, что есть, чтобы эта мерзкая, бессмысленная битва казалась стоящей. Это не стоит того. Мы все оказываемся не более чем грязью в земле. Что бы мы ни делали. Вы слушаете Тома Уэйтса, док?"

Она была совершенно очарована. На протяжении всей своей речи он становился все более оживленным, поднимая голову и плечи с дивана так далеко, как они могли бы идти, его глаза слегка выпучивались, слова лились и падали друг на друга. Это была страсть, настоящая страсть, и она была взволнована и в ужасе боялась, что он откажется от нее. Ее мысли понеслись вскачь.

-Я думаю, что понимаю, - осторожно сказала она, игнорируя его последний вопрос. -В этом вся шутка, в том, что ты пытаешься сказать, я прав? Шутка заключается в том, что независимо от того, как усердно мы работаем, учимся или сражаемся, то, что мы ценим, - это иллюзия. Потому что смерть-это конец, и это неизбежно. И вы воплощаете это без разбора.- Как странно было слышать эти слова, произнося их. Но она должна была это сделать. Чтобы снова привлечь его на свою сторону.

Он расслабился и откинулся на спинку дивана. - Я знал, что вы меня не разочаруете, док."

Облегчение затопило ее, и странное теплое удовольствие тоже.

-Но разве это так уж плохо-ценить вещи? Гордиться достижениями-праздновать нашу эволюцию?"

- Усмехнулся он. -А ты не думаешь, что падающий метеорит на встречной полосе сделает крюк из-за теоремы Пифагора и того, что какой-то парень по имени Микеланджело вырезал несколько красивых статуй? Мы поклоняемся этим вещам, как будто они каким-то образом доказывают нашу значимость. Они оказываются приземистыми, док. Жизнь-это шутка, и она великолепна, так почему бы не наслаждаться ею?- И он откинул голову назад и радостно засмеялся, более мягким звуком, чем ужасающее кудахтанье раньше.

По какой-то странной причине ей вдруг захотелось закричать, что ее диплом что-то значит. Что это было очень важно. Она так много для этого работала. Но ведь он будет

смеяться над ней , правда? Кроме того, вряд ли это было важно. Она была здесь не для того, чтобы оправдываться перед ним. Ей не нужно было, чтобы он ценил ее достижения. Но дело было совсем не в этом.

- Но ты же понимаешь, что если бы все следовали твоему примеру и игнорировали все понятия морали, то ты больше не был бы единственным в своем роде?"

Он пошевелил пальцами ног и заерзал, как будто был в восторге. -Но это самое главное - никто и никогда не узнает. Все слишком напуганы. Вера-это якорь, доктор Квинзель, и она держит весь остальной мир на привязи к Земле, в то время как хаос кружится вокруг них. А я тем временем буду смотреть, кружиться и смеяться. Я уже говорил вам раньше, что каждый хороший комик нуждается в своем прямом человеке. Или мужчины. - Хех."

Она сделала паузу, поправила очки на переносице, посмотрела вниз на свои записи, а затем снова на него.

-Но ты же понимаешь, Джокер, что твое поведение в обществе считается ненормальным и что поэтому ты понесешь наказание за свои преступления?"

Ухмылка скользнула по его лицу, и он медленно подмигнул ей.

- О, я не знаю, док, - сказал он беззаботно. - Общество, похоже, считает, что между нами нет взаимопонимания."

В этот момент часы щелкнули, показав четыре часа, и вошли охранники.

После его ухода Харлин еще долго смотрела в свой блокнот, и странный холодок эхом отдавался в ее теле. Затем она подняла ручку и написала::

Я не верю, что этот шутник сошел с ума.

<http://tl.rulate.ru/book/30508/654480>